

ПРОБЛЕМЫ ЕВРОПЕЙСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

А.В. Веретевская

Мультикультурализм¹ в Европе сегодня во главе политической повестки дня. На этот раз — в негативном ключе. Лидеры европейских государств один за другим делают громкие заявления о провале мультикультурной политики в своих странах. Так, канцлер ФРГ Ангела Меркель в октябре 2010 г. на заседании молодежного крыла своей партии, сетуя на то, что «гастарбайтеры, прибывшие в Германию в период экономического бума 1960-х годов не оправдали надежды на свой отъезд» (этими надеждами обманывался, по ее словам, немецкий народ), жестко заявила, что «мультикультурализм в Германии провалился, и провалился окончательно». Углубляться в причи-

ны проблемы госпожа Меркель не стала, добавила лишь, что «идея жить счастливо бок о бок», по ее мнению, «не работает»².

В феврале 2011 г. с идеей отказаться от «государственного мультикультурализма» на мюнхенской конференции по безопасности выступил британский премьер Дэвид Кэмерон. «Взамен пассивной толерантности последних лет нужен активный, мускулистый либерализм», — заявил премьер-министр. «Британцем может называться лишь тот, кто верит в свободу слова, свободу вероисповедания, демократию, главенство закона и равные права независимо от расы и пола». «Доктрина мультикультурализма способствовала разъединению общества»³.

Вслед за Кэмероном объявить провал мультикультурализма поспешил Президент Франции Николя Саркози⁴, чем смутил некоторых французских граждан, которые знают, что мультикультурализм во Франции никогда не применялся, и новую главу Национального вранта, госпожу Марин Ле Пен, которая вспомнила, что именно Саркози как раз в обход маги-

¹ В самом общем виде мультикультурализм — это «политическая идеология (доктрина) и основанная на ней социальная практика, организующая и поддерживающая общее для национального государства пространство политической и социальной коммуникации в условиях гетерогенного общества. «Это приемлемая для западной демократии модель (общественного. — А.В.) регулирования, опирающаяся на признание прав личности и группы на поддержание собственной идентичности и на толерантность в публичной сфере» (Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 57–71, 64).

В более инструментальном (и более узком) понимании мультикультурализм — это политика интеграции представителей культурно (цивилизационно) «иных» сообществ в жизнь западного общества. С точки зрения теоретиков мультикультурализма, в обществах с высокой степенью культурной гетерогенности доктрина служит укреплению института гражданской нации при сохранении внутри нее этнического и культурного разнообразия (см.: Taylor, C. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton, 1992) и консолидации демократии (см.: Modood, T. *Multiculturalism*. London: Polity Press, 2007).

² Цит. по: Connolly, K. Angela Merkel declares death of German multiculturalism *The Guardian*, Sunday 17 October 2010 20.27 BST at guardian.co.uk.

³ Источники: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-12371994?print=true> и <http://www.number10.gov.uk/news/speeches-and-transcripts/2011/02/pms-speech-at-munich-security-conference-60293>

⁴ См.: Heneghan, T. (Reuters). French President Nicolas Sarkozy has declared multiculturalism a failure, echoing British Prime Minister David Cameron and German Chancellor Angela Merkel and confusing some French who say it was never tried here anyway. Fri Feb 11, 2011 4:53pm GMT. URL: <http://uk.reuters.com/article/2011/02/11/us-france-sarkozy-multiculturalism-idUKTRE71A4UP20110211>

стральной политической линии не далее, как в 2003 г., будучи министром внутренних дел, ратовал, например, за образование Французского мусульманского совета.

Европейское академическое сообщество в целом настроено менее решительно. Хотя в последнее время мультикультурализм подвергается критике, на сегодняшний день это единственная известная модель интеграции инокультурных сообществ в западное демократическое общество, которая соотносится с его базовыми ценностями и отвечает экономическим и политическим потребностям западных государств.

Исторические предшественники мультикультурализма: политика ассимиляции (и, в еще большей степени, — политика сегрегации) идут вразрез с либеральными принципами защиты личности. К тому же на теоретическом уровне теория ассимиляции с трудом выдерживает критику⁵, которая сводится в основном к тому, что ассимиляционная модель в культурно гетерогенном обществе к заявленным результатам не приводит. «Об идее плавильного котла, например, можно сказать только, что она не работает⁶»: в Америке, где ассимиляционная модель в разных ее видах применялась весьма продолжительное время (и на всех уровнях власти), не была полностью ассимилирована⁷ ни одна этническая группа⁸.

Имеющая же следствием сокращение иммигрантского потока реализация идеи «Крепости Европы» (в любом ее виде) означала бы старение общества и сни-

жение темпов экономического развития (а значит, и уровня жизни).

Тем не менее мультикультурализм, бесспорно, переживает сейчас кризис.

Выдержит ли он, а с ним и вся система европейских ценностей?

В Европе обращение к концепции мультикультурализма связано в первую очередь со становлением государств благоденствия в послевоенное время и совпавшим по времени «дораспадом» колониальной системы. Отстраивающаяся заново после Второй мировой войны Европа стала привлекательной для иммигрантов, в том числе и представителей иной (часто — далекой) цивилизационной принадлежности. В ряде европейских стран их основным «поставщиком» стали бывшие колонии, уровень жизни в которых был существенно ниже, чем в метрополии. В Великобританию, Голландию и Францию направились искать лучшей доли десятки и сотни тысяч представителей некогда колонизированных (и угнетенных) территорий. В качестве своего рода «компенсации» за историческую несправедливость бывшие центры колониальных империй позволили представителям своих бывших колоний практически беспрепятственно перемещаться по своей территории и претендовать на гражданство. В иных странах, таких как Австрия, Бельгия, Дания, Люксембург, Швеция и, конечно, Германия, основную массу иммигрантов составили так называемые трудовые мигранты, требуемые для бурно развивавшейся европейской послевоенной экономики. Трудовые мигранты (или гастарбайтеры, как их теперь принято называть вслед за немцами) приезжали обыкновенно по специальным договорам⁹, заключаемым властями обозначенных стран с государствами,

⁵ Об этом см.: Kivisto P. Multiculturalism in a Global Society. Oxford, 2002. Pp. 29–31.

⁶ Glazer, N. and Moynihan, D. Beyond the Melting Pot: The Negroes, Puerto Ricans, Jews, Italians and Irish of New York City. Cambridge, MA: MIT Press and Harvard University Press, 1963. P.v.

⁷ Полная ассимиляция здесь приводится в общем значении, в качестве перевода слова *disappeared*.

⁸ Higham, J. Send these to me. Jews and Other Immigrants in Urban America. Baltimore: Johns Hopkins University Press: 1975. P. 234.

⁹ Так, например, Германия (ФРГ) в 1955 г. подписала подобное соглашение с Италией (в 1965 г. — продлено), в 1963 г. — с Марокко, в 1964 г. — с Грецией, Испанией, Португалией и Турцией, в 1965 г. — с Тунисом, в 1968 г. — с Югославией.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

в которых темпы экономического роста были значительно скромнее европейских, а прирост населения, наоборот, — выше.

К 1970-м гг. стало более-менее очевидно, что вопреки изначальным планам правительств европейских государств, иммигранты — не временное явление, но постоянное. Представители бывших колоний, получив образование и опыт работы, не стремились ехать делиться передовым опытом на родину, а въехавшие когда-то по годичным рабочим контрактам гастарбайтеры после очередного, седьмого или восьмого продления начали перевозить к себе свои семьи. Перед европейскими государствами остро встала проблема интеграции «новых» членов общества, количество которых неуклонно росло. В некоторых из перечисленных государств было принято решение обратиться в этом вопросе к опыту государств традиционной миграции, которые на тот момент как раз внедряли у себя новые принципы толерантной социальной политики — политики мультикультурализма. В Канаде и Австралии мультикультурализм позиционировался как универсальный набор механизмов для организации бесконфликтного «общезития» групп и индивидов разной этнокультурной ориентации в рамках политической нации-государства. Теоретики мультикультурализма, такие как Ч. Тэйлор, У. Кимлика, Б. Парек и другие, рекомендовали мультикультурализм в качестве институциональной «подпорки» для политической консолидации государствам, сталкивающимся с проблемой повышенной общественной гетерогенности и связанной с этим потенциальной угрозой конфликтов. Ведь «неадекватное признание идентичности (либо его отсутствие), — пишет Ч. Тэйлор, — есть форма

опрессии»¹⁰, а опрессия всегда провоцирует соответствующую негативную реакцию.

Принципы мультикультурализма, среди которых центральное место занимают постулат о равнозначности культур, признание высокой значимости культурной (религиозной/этнической) идентичности (и, соответственно, обеспечение права на ее защиту), а также позитивное восприятие разнообразия в обществе хорошо соотносились с популярными в победившей нацизм Европе идеями толерантности и гуманистическими идеями братства народов. Мультикультурная риторика, оперирующая понятиями «включения», «вовлеченности», «признания», «культурного плюрализма» и т.п., вошла в европейский политический дискурс.

Пионером мультикультурализма в Европе является **Голландия**. Эта страна одной из первых начала выделять средства на поддержку иных культурных идентичностей своих иммигрантов: государство начало финансировать индуистские и мусульманские школы, центры африканской культуры, радио и телепередачи на языках иммигрантов. Велась пропаганда позитивности разнообразия. Посредством опросов голландцы постоянно «мониторили» настроение иммигрантов. Уровень толерантности при этом был образцовым для Европы.

В 2002 г., однако, доклад парламентской комиссии об опыте интеграции иммигрантов за последние тридцать лет констатировал провал государственной политики мультикультурализма. Согласно этому докладу, интеграция происходила в основном вопреки государственным инициативам¹¹.

Основная проблема, с которой «не справился» мультикультурализм в Голландии, — это нежелание инокультурных мигрантов возвращаться домой. Парадоксаль-

Подробнее об этом см.: Hildyard, N. Migrant Labor in the Global Economy. *The Ecologist*, 26 (July/Aug.). 1996. P. 134; Castles, S. and Miller, M. *The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World*. New York: Guilford Press., 1993 P. 104.

¹⁰ Taylor C. *Multiculturalism and the Politics of Recognition*. Princeton, 1992. P. 25.

¹¹ Current Immigration Debates in Europe. Netherlands Country Report 2005 (www.migpolgroup.com).

ным образом мультикультурная политика **интеграции** была признана неэффективной в Голландии потому, что «не смогла» **сдерживать** политическую интеграцию инокультурных иммигрантов. Голландцы планировали, что, выделив деньги на поддержание иммигрантских культур, они смогут поддержать иностранную идентичность их представителей настолько, чтобы они, не задумываясь, отбыли на родину, как только надобность в них у голландского государства упадет. А иммигранты не собирались никуда уезжать. Благодаря мультикультуралистским инициативам, предпринимаемым голландскими правительствами за последние 30–40–50 лет, дети многих иммигрантов, защищаемые жестким антирасистским протекционизмом, смогли окончить школы и университеты, выйти на работу и создать семьи, найти свою общественную нишу и сформировать свое собственное представление о том, что значит быть голландцами именно для них. Это их представление (а именно такого рода представления или, иначе, — идентичности и есть конечная цель мультикультурализма в Канаде и Австралии), как раз и не понравилось голландцам. Точнее, им не понравилось, что иммигранты с этой своей идентичностью (в 1990-е гг. в прессе начали, не стесняясь, писать о местах проживания инокультурных иммигрантов и их потомков как о «гетто») собираются проживать рядом с голландцами бесконечно долго. А ведь число иммигрантов на начало XXI в. превышало пятую часть населения Голландии!¹²

Если посмотреть в долгосрочной перспективе, то политику, проводимую голландцами под видом мультикультурализма, правильнее будет называть политикой сегрегации. И именно политика сегрегации голландцам не удалась.

Сегодня в Голландии «мультикультурализм» в том его понимании свернут.

¹² Семененко И. Интеграция инокультурных сообществ в развитых странах // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 11. С. 57–71. С. 63.

Введены экзамены на знание голландского языка и истории, которые нужно сдавать, чтобы получить гражданство, консульства придирчиво относятся к выдаче долгосрочных виз, а правительство провозгласило, что отныне поддержку самоорганизации этнических групп (как раньше) государство оказывать не будет, но будут предприниматься усилия по вовлечению их представителей в национальные организации различного уровня. Иными словами, голландцы смирились, наконец, с тем, что иммигранты остаются в Голландии навсегда, и решили их интегрировать уже с учетом этого. Интересным образом такое положение вещей значительно больше напоминает канадский или австралийский мультикультурализм, чем то, что этим словом называли последние полвека голландцы. Правда, при том «лжемльтикультурализме» иммигрантам, не знавшим о его временном характере, жилось, конечно, привольнее.

Похожая на голландскую ситуация наблюдается сегодня в **Великобритании**. Там тоже голос противников мультикультурализма стал звучать громче. Этому способствовал и минувший экономический кризис, в результате которого этнические англичане стали беднее и агрессивнее¹³. Основная разница с Голландией заключается, пожалуй, в том, что британский мультикультурализм изначально был «честнее» голландского. В Британии мультикультурализм предлагался действительно как стратегия **интеграции** инокультурных сообществ в жизнь большинства. Этнические сообщества получили возможности делегировать своих представителей в систему образования и здравоохранения, получили распространение религиозные школы, придерживающиеся государственного стандарта образования и финансируемые из госбюджета, но имеющие специфические дополнительные предметы, соответствующую

¹³ URL: <http://www.mori.com/2011/migration.shtml>

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

культурную основу и т.д. (помимо традиционных для Англии протестантских и католических общин, мусульманские религиозные общины стали «курировать» некоторые школы)¹⁴. На политическом уровне британцы смогли обеспечить диалог с представителями инокультурных общин (по крайней мере на уровне регулярных встреч их представителей с членами правительства и парламента).

Основная реальная проблема, связанная с иммигрантами в Британии, — это, как и в Голландии, гетто (так называемые *inner cities*). Но это не проблема мультикультурализма как такового. Ни один из теоретиков мультикультурализма никогда не ратовал за образование этнических, религиозных и т.п. гетто, представители которых были бы замкнуты внутри своей этнической группы, обреченные поколениями воспроизводить социальную, политическую и экономическую маргинальность. Наоборот, мультикультурализм предполагает механизмы **«включения», интеграции** представителей этнокультурных групп в жизнь большинства. Просто условием такого включения приверженцы мультикультурализма ставят запрет на насильственную ассимиляцию, когда иммигранты или их потомки, если они имеют желание получить доступ к общественным благам в своем новом «отечестве», ставятся перед необходимостью гласно или негласно предать анафеме свое происхождение (и все, что с ним связано), как «низкое», «некультурное», «нецивилизованное» и т.п. Британский политический философ-мультикультуралист Т. Модод, к примеру, считает, что необходимость «дестигматизировать» этничность — и есть основная задача мультикультурализма в Британии (и в Европе вообще)¹⁵. Если представители имми-

грантских сообществ почувствуют уважение к своей изначальной идентичности, они гораздо охотнее включатся в программы по функциональной, структурной и политико-правовой интеграции, что от них в основном и требуется.

Проблема гетто в Великобритании — это инструментальная проблема социальной политики. Появление гетто стало результатом неразумного решения вопроса жилья для новых иммигрантов. Правительство выделяло деньги на программы строительства социального жилья для иммигрантов, не требуя, чтобы иммигрантов расселяли «точечно». На уровне муниципалитетов же чиновники поступали, как им проще: селили всех своих «подопечных» в какое-то одно место, чтобы потом их «не искать». Минимизировали, иными словами, **свои** временные издержки на функциональную и структурную интеграцию новоприбывших. В результате в окрестностях крупных городов (где есть рабочие места и куда, соответственно, направлялись новые иммигранты) по всей Британии возникли целые районы компактного проживания представителей неевропейской цивилизационной традиции. Уровень жизни в таких районах по причинам общей социальной неустроенности был ниже среднего по стране, а уровень преступности — выше. Вследствие этого коренное население чувствовало себя там неуютно. Наличие таких районов, к слову, стало одним из главных факторов появления и роста в Великобритании алармистских настроений среди этнических британцев (и, соответственно, опорным пунктом для праворадикальной политической риторики)¹⁶.

¹⁴ В 2005 г. такой была каждая третья начальная школа и каждая пятая средняя (в их числе 62 мусульманских).

¹⁵ Modood, T. *Multiculturalism*. London: Polity Press, 2007. Pp. 40–43.

¹⁶ Согласно данным опросов, в 2003 г. 3/4 британцев считали, что поток иммиграции необходимо сократить (в 1995 г. это мнение разделяли 2/3 опрошенных). Британцы высказывались в пользу отмены пособий для иммигрантов и за сокращение их числа. См.: Lewis, M. *Asylum/Understanding Public Attitudes*. London, 2005. P. 2.

На рубеже XX в. британцы переориентировали свою социальную политику в отношении иммигрантов, сделав ее более последовательной в плане интеграции: были предприняты меры по рассредоточению социального жилья, повышению качества школьного обучения и, как следствие, упрощению доступа к высшему образованию. Решение же о переводе ряда культурных объектов (музеи, выставочные залы, концертные площадки и т.п.) в пригороды, в сравнительно небольшие сроки позволило изменить в положительном ключе облик некогда депрессивных районов.

Вне популистского накала мультикультурализм в Великобритании оказался вполне жизнеспособным, когда социальная политика в отношении иммигрантов стала проводиться в контексте противодействия социальной дискриминации. Решение основных социально-политических проблем, связанных с иммигрантами (это проблемы структурной и функциональной интеграции), действительно требует не группового, но индивидуального подхода, мультикультурный же подход (где адресатом является группа или индивид с учетом групповой принадлежности) рассчитан на другой уровень интеграции — социокультурный. И там он оправдывает себя вполне.

Говоря образно, мультикультурализм в Британии работает, когда британские либералы, «играя», если им так нравится, «мускулами», последовательно решают проблемы обеспечения центральных (либеральных) прав человека (отдельного (!) Человека, не группы!), личности — **права на достойную жизнь...** под крышей.

Пожалуй, наиболее последовательной в отношении мультикультурализма страной в Европе является Швеция. Шведы проводят целенаправленную политику адаптации своих иммигрантов с 1970-х гг. Адресатом ее является так называемое сообщество мигрантов, рассматриваемое как одна из социально незащищенных групп населения. Нужды и

проблемы этой группы решаются в контексте социальной и культурной политики. Шведское правительство считает, что интеграция должна исходить из общих прав человека с учетом прав некоторых этнических и конфессиональных групп. Да, защита прав человека в Швеции превалирует над защитой групповых прав, но это изначальные «правила игры». Это **понятные** всем правила игры. Это фактически то, с чем шведское большинство в этой стране приходит вести диалог с меньшинствами. Шведы не выбирают между правами человека и правами меньшинств, они честно говорят, что права человека для них первичны, но права меньшинств они **тоже** готовы уважать в той мере, в какой они не будут жестко противоречить правам человека.

Мультикультурализм — это всегда компромисс. Шведский компромисс, пожалуй, наиболее удачный в Европе.

Мультикультурализм в Европе выживет. Отчасти потому, что подходящей альтернативы для него нет. Заново предлагаемая под видом «мускулистого» либерализма и т.п. политика ассимиляции уже опробована в Европе. В прошлом ее проводили практически все европейские государства по отношению к своим иммигрантам. Сегодня наиболее ярким ее сторонником является, пожалуй, Франция. Французские власти традиционно рассматривают своих инокультурных иммигрантов исключительно в контексте их гражданского включения в политическую нацию. Франция не проводит никаких целевых государственных программ преодоления социальной исключенности в отношении иммигрантов. Более того, не ведется даже статистика по этнической и религиозной принадлежности жителей. Французское правительство официально не знает, например, каков процент мусульман среди французских граждан. В результате многомиллионное (по независимым экспертным оценкам) мусульманское население не имеет во Франции политиче-

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЛОКАЛЬНОГО ОПЫТА

ского представительства. По некоторым оценкам, волнения в пригородах 2005 г. можно считать попыткой выразить протест в условиях отсутствия иных политических путей сделать это¹⁷. Результатом проведения такой политики в гетерогенном обществе, к сожалению, почти всегда становится ксенофобия, фанатизм, фундаментализм, радикализм, экстремизм, терроризм и другие проявления обоюдной ненависти. Исключение могут составлять лишь страны, где ассимиляционная модель применяется в сочетании с жестким контролем за экономическим положением инокультурных меньшинств и строгим ограничением их количественного роста: в Дании, как известно, когда во всем мире бушевал «карикатурный скандал», не было ни одной мусульманской демонстрации.

Но отказаться от иммиграции (или строго ее ограничить) большинство европейских стран по экономическим причинам не сможет¹⁸. Причем в основном это будет иммиграция с «инокультурным лицом». Вопреки опасениям скептиков расширения Еврозоны, жители «бедных» восточноевропейских государств не устремились на территорию старых членов после присоединения к ЕС. Более того, притока культурно близких (и от того — более желательных) иммигрантов из этих стран ока-

залось недостаточно, чтобы удовлетворить экономические потребности старых членов даже в первые годы после присоединения, когда разница в экономическом уровне была наиболее значительной. Теперь же, когда уровень жизни в Европе стал выравниваться, многие из тех, кто имел иммиграционные намерения ранее, изменил свою точку зрения. И хотя многие из опасавшихся старых членов окончательно открыли свои границы, восточноевропейцы не спешат менять место жительства.

Это означает, что проблема инокультурной иммиграции останется и будет обостряться. И, руководствуясь «правом сильного», без обязательного «движения навстречу друг другу» эту проблему не решить. Это «движение навстречу друг другу» (т.е. такое, которое предполагает компромисс всех сторон конфликта), если оно добровольно (и, желательно, сознательно) обоюдное, и выражает философский смысл мультикультурализма.

Отчасти выживанию мультикультурализма будет способствовать его концептуальная гибкость. Он нигде в чистом виде не существует. Степень толерантности может варьироваться. Может быть, под другим названием (консоциативная демократия?), но принципы мультикультурализма будут и дальше использоваться для формулирования целей и задач политики интеграции в европейских государствах.

Очень важно, что обвинения мультикультурализма в том, что он сам по себе предлагает скрытую сегрегацию, — беспочвенны. Мультикультурализм — всегда своеобразная уступка идеального либерального государства реальности, в том смысле, что необходимость в нем (как в политике по поддержке групповой идентичности) возникает обыкновенно там, где общество не единообразно, а индивидуальные представители различных этнокультурных и религиозных групп не совсем равны¹⁹. Однако мульти-

¹⁷ См.: Iskander, A. and Reeston H. From Paris to Cairo. Resistance of the Unaaculturated (URL: <http://www.ambassadors.net/opinions2.htm>).

¹⁸ Чаще всего среди экономических аргументов приводится проблема демографии. И. Валлерстайн, например, пишет: «Если в следующие 25 лет число ежегодно прибывающих в развитые страны иммигрантов не увеличится примерно вчетверо, выплаты пенсионерам к 2025 году там резко сократятся». URL: <http://www.antropotok.archipelag.ru/text/a035.htm>. Уже сейчас дефицит рабочих рук остро ощущают многие европейские страны. Германии, к примеру, нехватка порядка 400 000 квалифицированных рабочих обходится в год в 25 млн евро, что сопоставимо с 1% от их экономического роста (по данным Торгово-промышленной палаты ФРГ). URL: <http://www.guardian.co.uk/world/2010/oct/17/angela-merkel-germany-multiculturalism-failures>

¹⁹ Джон Страттон и Йен Энгл прямо определили мультикультурализм как следствие невоз-

культурализм оборачивается сегрегацией лишь в тех обществах, где заботой о сохранении культурной идентичности маскируется пассивность в решении социокультурных проблем. Предоставление возможности изучать язык своей культуры не мешает интеграции, если преподавание остальных предметов в школах, где такая возможность предоставляется, ведется на столь же высоком уровне, что и в школах, где «этнических» языков не преподаются.

Сохранение и поддержание культурной идентичности — действительно плюс (во всех смыслах, включая эконо-

мические возможности нации-государства до конца воплотить в жизнь принцип единообразия. См.: Stratton, J. and Ang, I. "Multicultural Imagines Communities: Cultural Difference and National Identity in the USA and Australia," in Bennette, D. (ed.), *Multicultural States: Rethinking Difference and Identity*. London: Routledge, 1998. Pp. 135–162.

мическую и политическую сферы), если это сохранение культурной идентичности, а не консервация низкого социального статуса. Нужно развести культурную идентичность и социальный статус.

Вопрос о том, как соотнести индивидуализм и групповую идентичность, административно сложный... Выходом здесь служит диалог. Не нужно заранее прописывать, кто, на каких основаниях и что конкретно должен носить, как это делают французы. Нужно максимально потратиться на постоянный диалог, постоянно искать возможности общения (в этом и есть смысл «включения»). Необходимо прописать (после должных консультаций со всеми заинтересованными сторонами) правила такого общения и механизмы их изменения, затем дать **всем** возможности менять эти правила и эти механизмы через диалог.

Государство должно выступить в виде модератора диалога.